

Наталия Антонова

Не девичья ПАМЯТЬ

— Уютный детектив —

Уютный детектив

Наталия Антонова

Не девичья память

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Не девичья память / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2019 — (Уютный детектив)

Город Н-ск еще никогда не видел подобных преступлений. Молодой человек был жестоко убит на съемной квартире, причем сделали это, судя по всему, женщины! Его мать, воспитывавшая единственного сына в одиночку, безутешна. Единственное, чего она теперь хочет, – справедливости. А кто поможет ее добиться, как не блестящий частный детектив Мирослава Волгина? Но чем дальше продвигается дело, тем яснее становится – жертв в этой истории гораздо больше...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталия Антонова

Не девичья память. [роман]

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Действующие лица и события романа вымышлены, их сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно...

От автора

Пролог

День сменяет ночь. Ночь сменяет день. А бывает так, что в жизни человека нет ни дня, ни ночи, а только серые, густые и унылые сумерки...

И не важно, что за окном светит солнце, идет дождь или мерцает луна, человек, попавший в сумерки, не замечает ничего. А чтобы сердце не разорвалось от боли, чтобы не помутился разум, где-то в глубине подсознания срабатывает нечто и человек погружается в оцепенение. Это как раз тот случай, когда «воля или неволя – все равно»...

Елена Павловна Коршунова точно окаменела, после того как узнала о гибели своего единственного сына. Ни одной слезинки не пролилось из ее пронзительно-синих глаз, словно там, в глубине души, все ее невыплаканные слезы превратились в лед. И только вмиг поседевшие волосы и осунувшееся лицо выдавали ее страдание, говоря о том, какая внутренняя боль терзает душу женщины.

Следователь сухо сообщил ей, что ее сын был жестоко изнасилован и умер скорее всего во время процесса...

Насильники, а это были именно женщины и скорее всего не одна, экспертиза обнаружила три генетических материала, даже не посчитали нужным развязать его.

Олегу было всего двадцать пять лет. Жил он отдельно от матери, один на съемной квартире. Его обнаружила хозяйка квартиры, которая долго звонила в дверь, а потом открыла ее своим ключом, увидев бездыханное тело, насмерть перепуганная женщина вызвала полицию.

Приехавшая полиция осмотрела квартиру. Оперативники, следователь и эксперты были, мягко говоря, обескуражены. Еще ни разу в истории города Н-ска подобных преступлений не происходило.

Понятых было двое – пожилые супруги, хозяева одной из соседних квартир, оказавшиеся дома.

Женщина все время прижимала пальцы правой руки ко рту, точно боялась закричать или заплакать. А мужчина постоянно вздыхал и приговаривал уже в который раз: «Вот до чего доводит эмансипация!»

Следователь попросил супругов на время следствия не распространяться об увиденном. Они закивали в знак согласия.

Первоначальная информация о потерпевшем была весьма скудной. Проживал он в доме не так давно, с соседями никаких отношений не поддерживал...

Хозяйка квартиры тоже мало знала о своем квартиранте, кроме того, что у него есть мать, которая иногда навещалась к сыну. Ну, и соседи жаловались ей порой, что у парня иногда бывает шумно допоздна. Хозяйка все никак не решалась сделать ему замечание, так как платил он исправно и вовремя.

В паспорте потерпевшего, обнаруженном в одном из ящиков шкафа, был указан адрес прописки, по которому и отправился оперуполномоченный Максим Карелин.

Оперативник обрадовался, что добираться было недалеко, всего-то полтора квартала, к тому же нестерпимая жара оставила город и пришедшая ей на смену легкая свежесть действовала животворно и на природу, и на людей.

Дом, где прошло детство Олега Коршунова, находился в старом дворе, где росли липы и березы, которым было не менее пятидесяти лет, а на газонах полыхали яркими кострами любимые многими поколениями горожан золотые шары цветов. Сам Максим вырос примерно в таком же дворе, в таком же доме старой постройки.

Карелин был молод, в полиции работал недавно и не успел еще привыкнуть ко всему, с чем приходилось сталкиваться по долгу службы. Возможно, именно поэтому его сердце неожиданно защемило от тоски.

Максим постоял несколько минут возле подъезда, потом набрал по домофону номер первой попавшейся квартиры и на вопрос: «Кто?» – ответил: «Откройте, полиция».

Замок тотчас щелкнул.

Карелин поднялся по лестнице, долго и упорно звонил в нужную ему квартиру, но дверь так никто и не открыл. Соседей тоже не было дома, что неудивительно – будний день, многие на работе.

«Однако должен же быть хоть кто-то дома», – думал Максим, поднимаясь на следующий этаж.

Ему повезло, дверь квартиры, находящейся над квартирой матери потерпевшего, распахнулась почти мгновенно.

На пороге стояла невысокая женщина лет семидесяти...

Максим не удержался от замечания:

– Вы бы сначала спросили, кто там?

– А зачем? – искренне удивилась пожилая женщина.

– В наше время открывать дверь незнакомцам – опасно, – укоризненно заметил молодой опер.

– Брат у меня нечего, – отмахнулась та, – а вы сами кто будете? Продаете чего? Так я не покупаю.

Максим представился и объяснил цель своего визита.

– Олежку убили? – взмахнула руками соседка: – Господи, как жалко Леночку. Да вы проходите, чего на пороге-то стоять.

Максим покорно прошел за хозяйкой по узкому коридору на кухню.

– Вас как зовут? – спросил он, постаравшись придать голосу как можно больше уважительных интонаций.

– Маргарита Степановна я, Васнецова.

– Маргарита Степановна, а какую Леночку вы упомянули?

– Так мать же Олега. Она теперь, конечно, Елена Павловна, но я ее еще девчонкой помню, так что по привычке Леночкой и зову. Она ничего, не обижается.

– Значит, вы и Олега знали?

– Конечно, с рождения.

– И как давно он не живет с матерью?

– Да с восемнадцати лет. У Леночки свой аптечный бизнес, так что средства позволяли ей снимать для сына квартиру. Хотя не дело это, когда парень без присмотра с таких ранних лет живет.

– Олег сам не захотел жить с матерью?

– А то кто же, не Леночка же?!

Максим подумал о том, что, имея он возможность, сам бы с удовольствием стал жить отдельно от родителей. Но, увы, жить приходится не только с родителями, но и с семьей старшего брата, состоящей из собственно брата Владимира, его жены Зиновки и двух неугомонных племянников Сашки и Макара.

Хорошо еще, что хоть квартира большая, четырехкомнатная, доставшаяся им всем от деда с бабушкой.

По идее, квартиру можно было бы разменять, но старшее поколение не хотело покидать обжитой район.

Брата с женой устраивало то, что дети под присмотром дедушки и бабушки.

Характер у матери был не скандальный, она не имела привычки поучать сноху и вообще вмешиваться в отношения старшего сына с женой, поэтому Зиновка называла ее «мамой» и не рвалась покинуть родительское гнездышко мужа.

Максим не раз намекал отцу, что хорошо бы всем разъехаться. Но в мужской разговор тотчас вклинивалась мать, заявляя, что вот когда подрастут дети Володи, а сам Максим женится, тогда можно будет и поговорить о размене квартиры.

Сам Максим жениться пока не собирался, а Сашке и Макару еще расти и расти.

И хотя большая дружная семья Максима не напрягала, а мать с отцом заботились о его быте, стремление Олега жить отдельно от матери он все-таки хорошо понимал.

– Я сейчас чайку поставлю, – сказала Маргарита Степановна, собирая на стол нехитрое угощение – хлеб, сахар, варенье, печенье.

Максим хотел было отказаться, но потом решил не обижать разговорчивую старушку и был вознагражден за свое уважение к старшим.

Маргарита Степановна поведала ему, что Олег никогда не был тихим мальчиком, наоборот, озорником. Учился он неважно, Леночку часто в школу вызывали. Нелегко ей было растить мальчика одной, сама Леночка росла с бабушкой, кто отец Олега – неизвестно.

Максим спросил, были ли друзья у Олега, и узнал, что Павел Семакин – один из его дружков – так и живет в их дворе в доме напротив, а Виталий Ромашов куда-то переехал.

Но, судя по тому, что Маргарита Степановна видела их не так давно всех троих в уличном кафе на соседней улице, троица осталась неразлучной.

«Ну, что ж, – подумал Максим, – уже и это неплохо».

На всякий случай он записал адрес Павла Семакина и спросил, в какой именно школе учились приятели.

Не удержавшись, он задал вопрос, который мучил его подспудно с самого начала, почему Елена Павловна, имея преуспевающий бизнес, продолжает жить в таком старом доме.

– Так что тут удивительного, – отмахнулась Маргарита Степановна, – Леночка живет одна, дома бывает редко, люди у нас в доме живут приличные, почти все друг друга знают, так что ежели и подсобить, и за квартирой присмотреть, то всегда пожалуйста. Зачем ей куда-то переезжать? Новый большой дом у нее есть за городом, там она отдыхает и встречает друзей. А сюда если и приходят, то только самые близкие ей люди.

– То есть родственники у Елены Павловны все-таки имеются?

– Про родственников никогда не слыхала, врать не буду, – ответила Маргарита Степановна.

– Вы сказали, что сюда приходят самые близкие...

– Ну, да, Трофимовы. Чаше отец, но иногда и сын.

– А кем они ей приходятся? – спросил Максим, по-мальчишески слизывая с ложки клубничное варенье.

– Юра, ну, то есть Юрий Евгеньевич знаком с Леночкой со школы. Он тогда ухаживал за ней. Теперь в Леночкиной фирме заместителем работает. А Богдан – сын Юрочки и крестник Леночки.

– А жена Юрия Евгеньевича здесь бывает?

– Нет, она ни разу здесь не была... Юрочка – давно вдовец. Тоже один сына растил. Как Юлечки не стало, так он и не женился никогда больше. А с Леночкой они никогда дружить не переставали.

– То есть отношения у них чисто дружеские, и вступить в брак, например, они не собираются?

– Чего не знаю, того не знаю. Думаю, Юрочка Леночку и сейчас любит. Но она как-то к замужеству не расположена...

Максим допил чай, покрутил чашку в руках и поставил ее на клеенку, расписанную экзотическими цветами и птицами.

– Может, еще чайку налить? – заботливо спросила Маргарита Степановна.

– Нет, большое спасибо. – Оперативник улыбнулся открытой улыбкой. Поднялся из-за стола, неторопливо направился к двери и уже на пороге спросил: – А как Богдан Трофимов относится к Елене Павловне?

– Хорошо относится, ведь она его крестная мать, собственно, никакой другой у него и не было. Родной не стало, когда он только на свет появился.

– А с Олегом они дружили?

– С Олегом?

– Да.

– Нет, чего не было, того не было. Очень уж они разные были...

– В смысле?

– Богдан отца старался не расстраивать, берег его, учился хорошо, не хулиганил, да и потом быстро вверх пошел. Бизнес у него свой был, и теперь он не последний человек в городе. А Олег никогда не охранял материнский покой... Жил, как ему самому хотелось.

– Понятно.

Поблагодарив еще раз словоохотливую старушку за чай, Максим отбыл восвояси.

Глава 1

После гибели Олега прошло два месяца, следствие не сдвинулось с места, можно сказать, ни на шаг, и у Елены Павловны не было никакой надежды, что убийц ее сына найдут и покарают по закону.

Потеряв сына, Елена Павловна утратила смысл своего дальнейшего существования, она хотела только одного – добиться справедливости. Но как ее добиться-то?

Женщина стояла, скрестив руки на груди, и смотрела в окно на пестрые листья тополей и совсем еще зеленую траву... В полураскрытое окно врывается приятная прохлада посвежевшего осеннего воздуха.

Солнечные лучи разбрасывали блики, похожие на трепещущие крылья золотисто-перламутровых бабочек... Октябрь все еще одаривал теплом, и от клумбы, расположенной рядом с офисом, доносился пряный аромат цветов – бархотцев. Как будто кто-то неведомый старался уверить всех потерявших надежду в том, что земной мир прекрасен. Что он прочнее и надежнее, чем представляют себе люди...

Коршунова подавила тяжелый вздох, готовый вырваться из ее груди. Любое проявление красоты ей теперь казалось кошунственным. Как так, Олега нет, а красота осталась. И кто-то радуется ей, наслаждаясь жизнью. Разве это справедливо?

«Господи, – подумала она, – что же такое со мной творится? Прости меня! Но за что, за что ты отнял у меня сына?! Моего единственного сыночка, мою кровиночку...»

За ее спиной раздалось тихое покашливание.

Елена Павловна нехотя обернулась.

Юрий Евгеньевич Трофимов, ее заместитель и давний друг, подошел к ней, ласково погладил холодную безжизненную руку, так может гладить только очень близкий человек:

– Ты все изводишь себя, Леночка, – не спросил, скорее констатировал он.

Она ничего не ответила, только вздохнула.

Все дела фирмы теперь практически лежали на ее заместителе, и она была ему очень признательна.

– Знаешь что, Лена, – сказал Юрий Евгеньевич, – я тут подумал, почему бы нам не нанять частного детектива?

Елена Павловна отмахнулась:

– Скажешь тоже. Полиция ничего сделать не может, а какой-то частный детектив... По моему, ты слишком много читаешь книжек.

– Не скажи.

– Выбирать советуешь методом тыка по газете? – грустно усмехнулась Коршунова.

– Нет, ничего такого я тебе не советую. Но ты знаешь, я поговорил с Богданом, и у него есть хороший знакомый следователь из столицы губернии.

Елена Павловна на минуту задумалась.

Богдан был сыном Юрия Евгеньевича и ее крестником. Он занимал высокий пост в администрации города, а до этого руководил частной компанией по изготовлению строительных материалов.

Иногда Елена Павловна ловила себя на мысли, что искренне сожалеет о том, что Богдан не ее сын. А ведь мог бы... быть им...

Юрий Евгеньевич ухаживал за ней еще со школы. Они вместе бегали на танцы в городской парк, целовались на последних сеансах в кино, читали одни и те же книги.

Едва им исполнилось восемнадцать лет, как Трофимов сделал ей предложение. Но она и слышать не хотела о замужестве, ей хотелось учиться, строить карьеру, а он был настроен

на тихую семейную жизнь. И так получилось, что впоследствии личная жизнь у обоих не заладилась...

Юра долго ждал ее и терпеливо ухаживал, но в двадцать девять лет как-то неожиданно женился на своей сослуживице, милой простой девушке Юлечке. Она не была красавицей, но в ней было столько тепла и обаяния, что он надеялся обрести с ней тихое семейное счастье.

Поначалу все у них складывалось хорошо. Они даже на родину Юли съездили в небольшой городок на Алтае. Трофимов познакомился с родителями и старшим, уже семейным, братом Юли и пришелся всей родне по вкусу. Но ровно через год после скромной свадьбы жена оставила его с младенцем на руках, скончавшись при родах.

Родственники Юли предложили взять мальчика к себе, родители обещали заботиться о нем и растить его, как собственного сына.

Трофимов отказался, стараясь при этом не ранить чувств бабушки и дедушки, и без того сломленных свалившимся на них горем, не преминув заявить, что всегда будет рад видеть их у себя.

Лена помогала ему выходить младенца, стала крестной матерью Богдана, но замуж выйти за Юру категорически отказалась. А в тридцать пять лет родила Олега. Никому не сказав, кто его настоящий отец.

Трофимов был ошеломлен, но допытываться о том, кого она предпочла ему, не стал. И Елена была ему за это благодарна.

Богдану в то время было пять лет, и он охотно возился с маленьким Олегом, нянчил его, возил на коляске, потом играл с ним в песочнице и катал на дворовых качелях. Но стоило мальчикам подрасти, как они отдалились друг от друга, к огорчению и Елены Павловны, и Юрия Евгеньевича. Но ни тот, ни другая не стали принуждать детей к общению.

И, вот Богдан жив-здоров, радуется своими жизненными успехами отца, а ее Олежка...

– Ну, что, Леночка, ты согласна? – донесся до нее, точно сквозь туман, голос Трофимова.

– Неужели ты думаешь, Юрочка, что следователь из губернской столицы станет заниматься Олежкиным делом. Да им и не положено... Там же своя субординация в этих следственных органах.

– Я и не говорю, что следователь сам будет искать преступников. Богдан говорит, что у этого следователя друг работает частным детективом.

– Но частного детектива никто не допустит...

– Не беспокойся, ты же знаешь, где работает Богдан.

– Ну да. – Коршунова задумалась, и Трофимов ее не торопил.

– Я... Я даже не знаю. – Елена Павловна стиснула пальцы правой руки левой.

– Лена, мы не должны упускать такой возможности, – проникновенно произнес Юрий Евгеньевич, осторожно коснувшись ее плеча.

– Я согласна, – кивнула Елена Павловна, – я готова заплатить более, чем хорошо, – неожиданно горячо вырвалось у нее, – только...

– Не беспокойся, Богдан все сам уладит.

Коршунова кивнула и снова отвернулась к окну, где осенний день продолжал писать дивные картины из листьев, цветов и лучей, а Юрий Евгеньевич вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Если бы Шура был магом и волшебником, он немедленно сделал бы так, чтобы в родном полицейском отделении воцарились тишина и порядок.

– Но черта с два! – выругался Наполеонов.

То и дело звонили телефоны, раздавались торопливые шаги, хлопали двери, стучали чашки, из которых постоянно пили чай или кофе, кто-то безумолку стрекотал за стеной, а из туалета валил столбом сигаретный дым.

– Содом и Гоморра, – сердито проворчал Шура.

На его столе снова затрезвонил телефон.

– Наполеонов слушает.

– Здравствуйте, Шура! Или лучше Александр Романович? – пророкотал из трубки бархатный голос.

– Здравствуйте. Смотря, кто беспокоит...

– Вас беспокоит Богдан Трофимов из Н-ска, надеюсь, вы меня не забыли?

– Нет, конечно, рад слышать. И для тебя я – Шура.

– Спасибо. Я, в общем-то, звоню по делу.

– Жаль, так ты не у нас в городе?

Богдан вспомнил, что они с Шурой в прошлый раз перешли на «ты», чертыхнулся про себя и ответил:

– У вас. Мне очень нужно с тобой поговорить, я, собственно, для этого и приехал. Где и когда мы могли бы встретиться?

– А ты где сейчас? – спросил Шура.

– Недалеко от речного порта.

– Как я понимаю, ты на машине?

– Да.

– Тогда подъезжай... – Шура назвал улицу недалеко от своего местопребывания, – там есть кафе «Ветерок». Буду ждать тебя на открытой веранде в двенадцать часов.

– Спасибо, Шура.

– Пока не за что.

Через некоторое время Наполеонов убрал в сейф дело, над которым работал, и вышел на улицу.

Погода радовала. Солнце, висевшее в синем небе, казалось по-летнему золотым. Только свет, лившийся с небес, был не ослепительным, а мягким.

– «Есть в осени первоначальной, короткая, но дивная пора. – Весь день стоит как бы хрустальный...», – вдохновенно декламировал Шура вслух строки Тютчева и, заметив улыбки прохожих, улыбнулся им в ответ.

Лениво плывшие облака настроили следователя на еще более лирический лад, напоминая взбитые сливки для его любимых пирожных...

Шура двигался пешком в сторону кафе «Ветерок», мысленно он представлял загородный дом своей подруги детства Мирославы Волгиной и Мориса Миндаугаса, колдующего на кухне...

Хотя Морис вовсе не был поваром, юрист по образованию, занесенный каким-то таинственным ветром из Литвы в российский город на Волге, он работал в детективном агентстве Мирославы. Непревзойденным кулинаром Миндаугас был по призванию и занимался любимым делом в свободное от работы время.

Так, пребывая в мечтах, незаметно для себя Шура дошел до «Ветерка» и сел за один из столиков, благо в будни в середине дня почти все они были свободны.

И тут он вспомнил, что ему надо еще съездить по одному из дел, которые он вел.

Хлопнув себя по лбу, Наполеонов достал сотовый и набрал номер одного из оперативников Аветика Григоряна и, когда абонент отозвался, быстро проговорил:

– Аветик, я в «Ветерке», не в службу, а в дружбу пригони мою «Ладушку».

– Сию минуту, господин следователь, – хмыкнул Григорян и отключился.

Наполеонов увидел подъехавший серебристый «Опель». Из него вышел Богдан Трофимов и быстрым шагом направился к кафе. Они встретились глазами, и Трофимов уже через минуту сидел с Шурой за столиком.

– Что тебе заказать? – спросил Наполеонов.

– Только кофе.

Наполеонов пожал плечами:

– Кофе у них неплохой, а пирожные – просто изумительные.

Богдан невольно улыбнулся, он уже знал о Шуриной слабости к сладкому.

В это время в кафе вошел стройный брюнет, неторопливо окинул посетителей влажным взглядом насмешливо сияющих черных глаз, все так же не спеша, прошел к столику, за которым сидели Шура и Богдан, положил перед Наполеоновым на стол ключи от автомобиля и молча удалился.

– Спасибо, Аветик.

– Не за что, – бросил тот, улыбнувшись.

– Кто это? – зачарованно спросил Богдан.

– Оперативник наш. «Ладу Калину» мою пригнал, я из-за хорошей погоды стал рассеянным, забыл, что мне отсюда еще по делу одному заехать надо.

– А...

Когда кофе и пирожное были уже на столе, Трофимов приступил к делу:

– Шура, у моей крестной убили сына.

– Сочувствую.

– Вернее, даже замучили.

Шура молчал, но Трофимову показалось, что во взгляде Наполеонова промелькнула заинтересованность, и он продолжил:

– Его нашли в съемной квартире абсолютно голым, связанным в постели. Притом веревки были не только на руках и ногах... Ну, ты, понимаешь...

– Не совсем.

– Его изнасиловали, следствие предполагает, что преступница была не одна, и он скончался от сердечного приступа. Короче, его замучили.

– Редкий вид преступления. Мне с таким сталкиваться не приходилось.

– Шура, мне нужна твоя помощь.

– Извини, но у вас своя полиция...

– Да, это так. Но Н-ская полиция топчется на месте. Они тоже неустанно твердят, что случай неординарный, и только разводят руками. А тетя Лена, мать Олега, она, как в воду опущенная, ходит. Сама скоро, то и гляди, за сыном отправится.

– Я сочувствую. Но вмешиваться в работу полиции вашего города я не могу. У меня нет таких прав.

– Я не прошу тебя вмешиваться. Прошу помочь. Ты как-то говорил, что твоя близкая подруга – частный детектив. И при том хороший детектив.

– Да, говорил...

– Попроси ее, чтобы она взялась за это дело. Оплата будет более чем достойной.

Шура задумался.

– Ты же говорил, что у нее много раскрытых убийств, что это ее профиль, – проговорил более настойчиво Трофимов.

– Да, опыт у Мирославы имеется, но я не уверен...

– Шура, я тебя умоляю!

– Только не это! – воскликнул Наполеонов.

– Что не это?! – подскочил от неожиданности Трофимов.

– Умалить не надо! У меня и так рост метр шестьдесят.

– Извини, я же в другом смысле.

– А ты уверен, что у ваших местных оперативников нет никаких зацепок?

– В том-то и дело, что ничего нет.

Шура махнул рукой:

– Ладно, я поговорю с ней, но ничего пока не обещаю. К тому же как отнесутся ваши власти к ее появлению? Городок у вас небольшой...

– Ты забыл, что я сам во власти, можно сказать, некоторым образом. И с местным полицейским начальством уже поговорил. Никаких препятствий частному детективу чинить они не будут. И даже, в случае чего, обещали посодействовать.

– Ничего я не забыл, – проворчал Шура.

– Можно сказать, что твоя подруга – наша единственная надежда.

– Не преувеличивай. В вашей полиции тоже не дураки сидят.

– Не дураки, – согласился Трофимов, – но дело, как ты и сам сказал, очень уж необычное, запутались ребята.

– Ты где остановился? – спросил Шура.

– Пока нигде, хотя у меня есть здесь знакомые, я предпочитаю останавливаться в гостинице.

– Хорошо, как только с Мирославой поговорю, сразу тебе позвоню.

На этой ноте, которую Трофимов счел оптимистичной, они и расстались.

Шура завел свою белую «Ладу Калину», посмотрел в зеркало – «Опель» Трофимова вернулся на стоянке и двинулся в противоположную сторону.

«Что ж, – подумал Шура, – надо думать, что гонорар Мирославе они заплатят более чем высокий, – он знал, что отец Трофимова работает в какой-то небедной фирме, – да и дело весьма интересное. Вот только заинтересует ли оно Волгину».

Решив не откладывать дело в долгий ящик, Наполеонов набрал номер Мирославы.

Длинные гудки были ему ответом.

Вздыхнув, он набрал номер стационарного телефона детективного агентства.

Морис Миндаугас оторвался от монитора компьютера и посмотрел в окно – осень медленно заливала яркими красками их большой сад... Время от времени было слышно, как шуршат опадающие листья. Осенью Морису всегда было слегка грустно и при этом светло.

Но этой осенью он скучал о родном городе, о родителях и думал о том, правильно ли он поступил, оставшись в России...

Хотя, положив руку на сердце, он признался бы, что уехать сейчас ни за что не согласился бы. И причиной тому была Мирослава Волгина...

Он познакомился с ней на вечеринке, приехав ненадолго погостить к русскому другу, живущему в этом мегаполисе на Волге.

Сама река Волга не произвела на него такого впечатления, как он ожидал, зато девушка – детектив так его поразила, что он потерял голову и напросился к ней на работу.

К изумлению его друга, Мирослава взяла литовца к себе секретарем и даже поселила его в своем коттедже, объяснив это тем, что детективное агентство находится здесь же.

В итоге Морису не пришлось мучиться в огромных пробках, добираясь до службы, не нужно было и платить за съемную квартиру.

Мориса же это предложение устраивало еще и тем, что Мирослава всегда была в пределах досягаемости... Или не всегда? По крайней мере они жили под одной крышей...

И ему удалось завоевать авторитет у работодателя тем, что он прекрасно управлялся с компьютером, умел расположить клиентов и плюс к этому еще великолепно готовил. Своими кулинарными способностями он довольно быстро покорила и друга детства Мирославы, следователя Шуру Наполеонова, который просто обожал хорошо поесть. Хотя изначально Шура почему-то воспринял его в штыки.

Зато тетка Мирославы Виктория отнеслась к нему сразу весьма благосклонно. Как, собственно, и ее супруг. Да и вторая тетя Зоя не имела ничего против него.

У тети Зои, или Заи, как звали ее и Виктория, и Мирослава, был сын, двоюродный брат Мирославы Виктор Романенко, но Морис с ним еще ни разу не встречался, так как тот по роду своей деятельности работал в горячих точках... Шура как-то мимолетно обронил, что Виктор служит в спецназе.

Еще Морису «посчастливилось» познакомиться с Люсей – подругой Мирославы. Вернее, Мирослава, Виктор, Шура и Люся дружили с детства, жили в одном дворе, учились в одном классе.

Кто из них старше, кто моложе, Морис пока не разобрался, да и зачем, если разница в возрасте исчислялась одним-двумя месяцами или даже неделями.

Морис невольно вспомнил о том, как Мирослава в первый раз осторожно заговорила с ним о своей подруге:

– Морис! Я хотела предупредить тебя, ко мне придет подруга.

Он вопросительно посмотрел на нее и пожал плечами, – мол, мне-то какое дело?

– Видишь ли, у нее свой автосервис.

Морис все еще не понимал.

– И я вложила в ее проект часть своих денег.

– Это того стоило? – спросил он машинально.

– Думаю, что да. И потом, мне интересен сам проект по себе. Даже если я не получу прибыли.

– Вот как? – удивился он.

– В ее автосервисе работают в основном женщины.

– Но это дискриминация! – едва заметно усмехнулся он.

– Разве? – удивилась Мирослава. – И тем не менее. Механики у нее женщины, администратор, служащие кафе.

– Там и кафе есть?

– Да, и комната отдыха.

– Интересно...

– Вот только папа у нее мужчина.

– Надеюсь, – хмыкнул Миндаугас.

– Они вместе все это создали.

Он кивнул.

– Морис! Я хотела попросить тебя...

– О чем? – живо заинтересовался он.

– Ты... не обращай внимания на ее... странности.

– Да?

– В общем, не пугайся.

– Мне кажется, что, живя в России с вами, я привык ко всему, и меня уже ничем не испугать.

– Ну, это ты еще нашу Людмилу не видел...

Как он ошибался, уверяя ее в своей храбрости... Люся произвела на него ошеломляющее впечатление и даже теперь, когда ему уже несколько раз приходилось с ней общаться, он невольно вздрагивал при сообщении Мирославы, что придет Люся...

Так, встретившись с ним второй раз, она мимоходом спросила:

– Ты как предпочитаешь – снизу или сверху?

Увидев же изумленный взгляд Мориса, весело расхохоталась и беспардонно потрепала его по щеке. Он на автопилоте схватил ее руку и отбросил.

– Какие мы щепетильные, – притворно вздохнула Люся и удалилась.

Когда Морис попытался осторожно спросить о Люсе у Наполеонова, тот фыркнул:

– Успела достать? Не обращай внимания.

И с тех пор Миндаугас из всех сил старался не обращаться...

Погрузившись в свои мысли, он и не услышал, как открылась дверь, и очнулся только тогда, когда черный пушистый кот запрыгнул к нему на колени, поставил передние лапы на грудь и уткнулся мокрым холодным носом в лицо.

– Дон. – Морис провел ладонью по шелковистой шерсти, и кот тотчас замурчал.

С Доном Морис подружился довольно быстро, и кот даже стал уделять ему больше внимания, чем хозяйке. Слава богу, Мирослава не ревновала.

Зазвонил телефон, Миндаугас снял трубку:

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

– Привет, викинг, – раздался в трубке голос Наполеонова, – я тут вечером собираюсь к вам подъехать.

– Хорошо.

– Звонил Мирославе на сотовый, она что-то не отзывается...

– Ее сотовый сегодня утром я видел в гамаке под яблоней...

– Даже так?

– Мы недавно завершили очередное дело, и она решила отдохнуть. Вчера до полуночи, точно ундина, раскачивалась в гамаке, залитом лунным сиянием, и рассказывала про звезды.

– Тебе?

– Нет, не мне, а Дону, а мне милостиво было разрешено присутствовать...

– Интересно вы проводите время...

– А сейчас Мирослава у себя наверху, кажется, с книгой. Так что переключить разговор на кабинет не могу, но могу отыскать Мирославу. Она либо в спальне, либо в библиотеке.

– Не стоит, просто будь другом, скажи ей, что я приеду часов в девять вечера.

– Хорошо.

Шура отключился.

Морис не стал разыскивать Мирославу немедленно, решив, что скажет ей о намечающемся визите Наполеонова за обедом. Он посмотрел на часы и решил, что может еще спокойно поработать часа два.

Когда он вошел на кухню, Мирослава уже была там. Она старательно разрезала на кусочки отваренную печенку для Дона, а кот терся о ее ноги и пытался поймать взгляд хозяйки.

– Сейчас, сейчас, мое сокровище, – проворковала Мирослава и выложила еду в кошачью тарелку.

Да, именно в кошачью тарелку.

Морис в первый раз еще удивился, что кот ел из точно такой же тарелки, что были предназначены для самой хозяйки и ее гостей. Правда, это была личная тарелка Дона и находилась в полном распоряжении кота.

– Морис, как хорошо, что ты пришел, – а то я уже проголодалась, не меньше Дона.

– Догадываюсь, – улыбнулся Морис и невольно залюбовался русыми волосами девушки, рассыпавшимися по плечам и спине. От них исходил тонкий аромат лаванды.

Пока Морис доставал из духовки запеченное филе индюшки и залитую яйцами цветную капусту, Мирослава поставила на огонь чайник и расставила на столе тарелки.

Морис с первого взгляда полюбил уютную кухню в коттедже Мирославы, к тому же все трапезы на ней получались по-семейному теплыми, а беседы и наедине, и с гостями – душевными.

– Знаешь, я уже начала скучать по работе, – проговорила Мирослава.

– Но вы же собирались отдохнуть недельки две.

– Собиралась, – нехотя согласилась Волгина.

Ее серо-зеленые глаза с яркими черными зрачками встретились с голубыми глазами Мориса, которые могли быть и светлыми, и темными, в зависимости от душевного состояния их хозяина.

– Почему бы нам не съездить в лес, пока погода теплая? – спросил Миндаугас.

– Можно... Только я в грибах не разбираюсь.

– Зато я разбираюсь. Хотя грибы собирать не обязательно, можно просто погулять.

– Можно погулять, – отозвалась она со вздохом и добавила: – Птичек уже не слышно.

– Как это не слышно, синички в саду посвистывают весь день. А в лесу и другие птицы остались.

– Я соловьев люблю, иволгу...

Морис улыбнулся:

– Дроздов, пеночек, сизоворонок.

– Сизоворонки у нас не водятся, – вздохнула она.

– Неужели?! Ну, ладно, ладно, – добавил он примирительно, – если хочется птичек, то можно послушать старую пластинку или пение по Интернету.

– Так я хочу живых послушать! – возмутилась девушка вполне искренне.

– Тогда придется подождать весны.

Она кивнула.

– Кстати, – заговорил Морис, – звонил Шура и просил передать, что подъедет часов в девять.

– Хорошо.

– В какой-то мере пение соловья пока может наш Шура заменить, – невинно обронил Миндаугас.

Наполеонов неплохо играл на гитаре, сочинял песни и сам их напевал. Морису нравилось.

А Мирослава, как догадывался Миндаугас, от исполнения Шуры была в восторге.

Мирослава рассмеялась:

– Значит, лес отменяется?

– Ничего подобного, в лес мы поедем гулять и любоваться красками осени.

– Звучит романтично... – Легкая ирония, прозвучавшая в ее голосе, задела Мориса за живое.

– Свой внутренний мир нужно обязательно подпитывать красотой, – заметил он серьезно, – иначе он поблекнет и жизнь станет пресной.

– Это открыли английские ученые?

– Нет, это открыл я.

– Ну, если ты, то я согласна сходить в лес, – улыбнулась Мирослава.

Шура прибыл ровно в девять вечера, завел машину во двор и, войдя в дом, сразу направился на кухню. Втянул острым носом воздух:

– Вкусно пахнет! Что у нас сегодня на ужин?

– Запеченная с овощами камбала, жареный картофель, салат из фруктов, пирог с яблоками и твой любимый чай.

– Тогда я по-быстрому умоюсь, вы без меня не начинайте!

Мирослава фыркнула, а Морис отвернулся на миг, пряча улыбку.

Шура, благоухающий лавандовым мылом, явился через десять минут, поправил свои коротко остриженные волосы с рыжеватым оттенком, и на полном серьезе заявил:

– Я готов.

Они уселись за стол и, пока ели, мило болтали ни о чем. После чая Шура посмотрел на Мирославу своими зеленовато-коричневыми глазами мудрого лиса, и сообщил:

– Я вообще-то сегодня по делу.

Мирослава ответила ему вопросительным взглядом.

– В общем, один мой хороший знакомый попросил помочь, и я, Слава, рассчитываю на тебя.

– На меня?!

– Я сейчас все по порядку расскажу.

– Рассказывай...

Но рассказывать Шура особо было нечего. Он изложил все, что услышал от Трофимова, упомянул о хорошем гонораре, о том, что про крестную Богдана ему ничего не известно, но Трофимовы – люди небедные.

– Дело и впрямь меня заинтересовало, – ответила Мирослава задумчиво, – но, как я понимаю, раскрывать его придется в Н-ске?

– Увы, – развел руками Шура, заметив краем глаза, как тень недовольства скользнула по лицу Мориса.

«Ничего, не маленький, переживет, – подумал Шура, – можно подумать, Мирослава в первый раз из города уезжает».

Мирослава тем временем взяла на руки тершегося о ее ноги Дона и уткнулась носом в его пушистую, мягкую шерсть.

– Тебе надо подумать? – осторожно спросил Шура.

– Секундочку...

Наполеонов кивнул и взял с тарелки еще один кусок пирога.

Морис долил чай в его чашку.

– Пожалуй, я возьмусь за это дело.

– Ну, вот и ладушки, – обрадовался Шура.

– А этот Н-ск далеко от нас? – печально спросил Морис.

– Нет, недалеко, – ответил Шура, – на машине часа два, на электричке еще быстрее.

– И никому не известно, насколько расследование затянется, – проговорил Морис.

– Это никогда не известно, – согласился Шура, – но ты, викинг, не вешай нос. Соскучишься, съездишь в гости к своей ненаглядной работодательнице.

Морис молнией метнул в Шуру свой ставший стальным взгляд.

– Убил! – Шура притворно схватился руками за левую сторону груди и стал сползать со стула.

– Шура, – произнесла укоризненно Мирослава.

– Мне теперь может помочь только кусочек торта «Наполеон», – жалобно проговорил Наполеонов.

– Нет его.

– Как это нет?! – возмутился Шура, подпрыгнув на стуле и изображая Карлсона, лишеного последней банки варенья, чем вызвал недовольство Дона, начавшего постукивать своим роскошным хвостом.

Мирослава ласково погладила кота:

– Ну, не сердись, ты же знаешь, наш Шура любит дурачиться.

Наполеонов вздохнул:

– Никакого сочувствия к трудящимся. Между прочим, у меня рабочий день ненормированный...

– Трудящийся, звони своему приятелю, пусть подъедет, нужно все обговорить.

Наполеонов вытащил из кармана телефон и набрал номер Трофимова. Назначил ему встречу с Мирославой на десять утра и объяснил, как добраться до ее дома.

Мирослава распахнула окно, прохладный воздух полился на кухню.

– Даже не верится, что уже октябрь, – произнесла она, – ночи еще не холодные, а какие огромные в небе звезды, точно яблоки.

От яблок и звезд на Мирославу повеяло Украиной, и она загрустила, вспомнив о брате Викторе.

Когда-то в детстве они часто ездили летом к его украинской бабушке под Полтаву... И там были такие яблоки и такие звезды!

– Ты чего? – встревожился Шура.

– Ничего, просто задумалась...

– А мы в лес собирались... – проговорил Морис.

– За грибами? – оживился Шура.

– Почему сразу за грибами? Просто погулять. Красиво ведь...

– Да, ты прав, красиво. Мы, горожане, теперь почти и не бываем на природе. Хорошо, что вы, ребята, в коттедже живете, сад у вас, озеро. Я хотя бы здесь свежим воздухом дышу. А то все один смог да выхлопные газы.

– Шура, спой, пожалуйста, – попросила Мирослава.

– Про грибы?

– Про что хочешь. – Она вышла из кухни и через несколько минут вернулась с гитарой.

Шура взял в руки инструмент, пробежал пальцами по струнам и объявил:

– Песня про грибы. В некотором роде...

Через минуту Шура запел приятным баритоном:

– Ах, если бы, да кабы,
Все ходили по грибы...
Я вот тоже в лес ходил,
И в лесу том наследил,
Я в лесу том заблудился,
В жену лешего влюбился,
Ночь провел наедине.
И так стало тошно мне!
А на днях в окошко глянул,
Думал, показалось спьяну! –
Светит над окном луна!
Под окном стоит Она!
В волосах ее листва,
А в руках младенцы. Два!
И сказала мне: «Твои».
И на память о любви,
Без упреков, без затей
Мне оставила детей.
Жить мне стало интересней,
И теперь пою я песни.
Только в лес я ни ногой!
Вреден запах мне грибной!

Когда Шура перестал петь, Мирослава поднялась, обняла его за плечи и чмокнула в макушку:

– Нет числа твоим талантам, мой дорогой Шурочка.

– Спасибо, сестренка. – Шура погладил ее руку.

– Оставайся ночевать, уже поздно.

- Ага, только маме позвоню.
- Не забудь Софье Марковне передать привет.
- Не забуду...

Шура вышел из кухни, Морис стал убирать со стола, и Мирослава принялась ему помогать.

Она не могла не заметить, что Миндаугас огорчен ее предстоящим отъездом.

- Морис, – она дотронулась до его плеча, – ты чего приуныл?

Он не ответил.

- У нас работа такая, сам знаешь. К тому же не на год я уезжаю, будем перезваниваться.

Морис кивнул:

- Конечно. Я все понимаю.

– Ну, вот и хорошо. Я рада, что ты теперь со мной работаешь, мне есть на кого оставить агентство, а самое главное – Дона. Раньше приходилось отвозить его к тете Вике... А он не любит жить вне дома. И потом у тети есть Луи. А Дон с Луи не очень ладят...

Морис не мог не согласиться, что рыжий кот тети Виктории Луи выглядит роскошно, но очень ревниво относится к своей хозяйке.

Нет, он не ревновал ее к людям, но стоило только Виктории приласкать какое-либо другое животное, как ее кот презрительно фыркал и всем своим видом демонстрировал, какое неслыханное оскорбление нанесено его гордости. Он забирался на шкаф и, свесив длинный пушистый хвост, мог лежать там целые сутки, не реагируя ни на какие уговоры.

Так что, Дону, естественно, было лучше в собственном доме.

Солнце уже начало заходить, и его огненный шар медленно скользил вниз по горизонту, рассыпая на своем пути затейливые линии и легкие искры. Было слышно, как за окном шуршит ветер, медовый аромат алиссума немного ослабел, но тем не менее был все еще ощутим.

Мирослава была неравнодушна к этим цветам, и поэтому большой участок газона перед домом был покрыт бело-розовой пеной этих цветов.

– Как я понимаю, Шура уже лег спать, – вздохнула Мирослава, немного прикрыла окно. – Пойдем и мы. Уже поздно.

Морис кивнул.

Ночевкам Шуры в доме Мирославы Морис уже давно не удивлялся. У Шуры была в коттедже своя комната. Она так и называлась – Шурина. Друг детства был холост. Жил вдвоем со своей мамой, которая преподавала музыку на дому, и охотно оставался ночевать в доме Мирославы.

Трофимов не опоздал ни на минуту. Ровно в десять ноль-ноль он нажал на кнопку звонка у ворот. Ему ответил приятный мужской голос с почти неуловимым прибалтийским акцентом. Ворота распахнулись, и машина плавно въехала во двор.

Когда Богдан выбрался из автомобиля, с крыльца уже спускался высокий широкоплечий блондин в джинсах и белой рубашке. Следом за ним с грацией восточного принца по лестнице спускался черный кот.

– Морис, – представился блондин и, окинув посетителя мгновенным, как вспышка фотоаппарата, взглядом, протянул ему руку.

- Богдан. – Трофимов решительно пожал руку Миндаугаса.

На миг у него было такое ощущение, что кот тоже назовет свое имя, но тот спрыгнул с последней ступеньки и грациозно отправился в сторону лужайки.

– Проходите в дом, – улыбнулся Морис, наслаждаясь эффектом, произведенным Доном, – Мирослава вас ждет.

- Спасибо.

Мирослава действительно ожидала их в гостиной.

– Чаю? – предложила она после краткого обмена любезностями.

– Нет, спасибо, я уже позавтракал. Вам нужно собраться?

– Я уже собралась. Мы можем ехать. А суть дела изложите в машине.

Трофимов одобрительно кивнул, ему понравился такой подход.

– Я бы не хотела брать свою машину...

– Да, конечно. Автомобиль мы вам предоставим на месте с шофером. Вы же еще не были в Н-ске?

– Нет, не была.

– Ну вот, значит, город не знаете. А наш шофер – ас в своем деле, и доставит вас в любое место.

– Хорошо. – Мирослава взяла сумку, бросила ободряющий взгляд на Мориса и ласковый на Дона, успевшего вернуться в дом и усесться возле ног Миндаугаса.

«Точно маленькая собачка», – подумала Мирослава с нежностью.

Они вышли во двор, Трофимов уложил ее сумку в багажник и открыл для Мирославы заднюю дверь, но она покачала головой:

– Я сяду рядом с вами, так нам удобнее будет разговаривать.

– Хорошо, – с легкостью согласился он.

Мирослава еще не составила полного представления о заказчике. Его внешний вид вполне ее удовлетворял. Хорошего роста, ухоженный, не красавец, но весьма симпатичен. Молод, не старше тридцати – тридцати двух лет, но ведет себя уверенно, хотя и не нагло.

Едва они выехали за ворота, Трофимов начал вводить ее в курс дела:

– Жертва Олег Коршунов – двадцатипятилетний сын моей крестной Елены Павловны Коршуновой. Вообще-то у нас довольно запутанные отношения с этой семьей. Мой отец и крестная знакомы еще со школьной скамьи, папа долгое время ухаживал за Еленой Павловной, но она отвергала все его чувства. Мой отец очень хотел детей и в конце концов женился на моей маме, они вместе работали. Но, увы, моя мама скончалась при родах. Елена Павловна стала моей крестной матерью и в какой-то мере заменила мне родную, так как мой отец больше так и не женился. Думаю, что папа по-прежнему хотел связать свою судьбу с Еленой Павловной, но она через пять лет родила Олега. Кто его отец, никому не известно. Маленький он был такой смешной, и я с удовольствием с ним возился. Но потом наши пути разошлись. Я, видите ли, книжный мальчик, зубрила. – Богдан иронично улыбнулся.

– Для меня главное было хорошо учиться, получить образование и... не огорчать отца. А Олег... – Трофимов замолчал, подбирая нужное слово.

– В общем, он не боялся огорчать мать, учился средне, порой доставал учителей. Елена Павловна открыла свой бизнес и пригласила на службу к себе моего отца. С тех пор они вместе работают много лет. Олега она устроила в институт, но он ушел со второго курса, долгое время нигде не работал. Потом устроился в магазин, продающий строительные материалы. – Он замаялся.

Мирослава догадалась, что устроиться на работу Коршунову помог его отец или он сам.

– И, вот два месяца назад его обнаружила хозяйка съемной квартиры... Связанным, нагим на смятых грязных простынях. Причина смерти – остановка сердца. Но экспертиза установила, что Олега насиловали в течение нескольких часов. Вы можете себе такое представить?!

– Сложно ответить...

– Я даже не предполагал, что женщины способны на такое зверство! Это же уму непостижимо!

– Женщины сильно изменились, к сожалению, это по большей части своей далеко не слабые, хрупкие создания.

– Вы правы. Но почему?!

– Что почему?

– Почему они стали такими? Впрочем, я задаю глупый вопрос. Скорее всего тургеневских девушек больше никогда не будет, и в этом виноваты сами мужчины.

– Отчасти...

Трофимов достал из кармана белоснежный платок и вытер пот со лба.

Мирослава была не уверена, что стало причиной столь бурных переживаний Богдана, гибель Олега Коршунова или возросший процент женщин, способных на насилие. Скорее все-таки второе...

– Видите ли, Богдан, – начала она осторожно, – думаю, что женщины, по сути своей, никогда не были ангелами...

– Да? Но мировая литература...

– Творцы мировой литературы по большей части – мужчины, и они идеализировали женщин, описывали их такими, какими сами хотели бы видеть.

– И реалисты?

– И реалисты тоже... Долгое время в рамках патриархата существовала такая система воспитания, которая и формировала женщин, соответствующих представлениям мужчин. Но со временем все большее количество женщин не желало мириться с отведенной им ролью Галатей. Они послали куда подальше своих Пигмалионов и стали сами формироваться как личности.

– Результат не утешает, – усмехнулся Трофимов, – вы не находите?

Мирослава пожала плечами:

– Все дело в том, что нравственное воспитание по-прежнему необходимо и не только девочкам. Мальчикам тоже. Но, увы, не многим везет с воспитателями...

– Наверное, вы правы.

Несколько минут они ехали молча, затем Мирослава спросила:

– А за квартиру Олегу платила мать?

– Да, Елена Павловна хорошо зарабатывает, она могла бы и купить Олегу квартиру, но поставила условие, чтобы он женился.

– У него была невеста?

– Нет, невесты у него не было, он предпочитал менять девушек...

– Так, может быть, ему отомстила одна из брошенных подружек?

– Может быть, но полиция так не думает.

– Надеюсь, вы понимаете, что я не маг и не волшебница, и мое расследование будет небыстрым и не факт, что результат будет положительным.

– Я все понимаю, но я хочу, чтобы вы приложили максимум усилий. К тому же, наняв частного детектива, я буду знать, что сделал все, чтобы помочь Елене Павловне.

Мирослава кивнула в знак согласия.

– Вы отвезете меня в гостиницу? – спросила она минуту спустя.

– Да бог с вами! – воскликнул Богдан, чуть ли не испуганно.

– Где же я остановлюсь? На частной квартире?

– Нет, вы остановитесь в моем коттедже.

– Это удобно? – удивилась Мирослава.

– Удобно, удобно. У меня просторный дом, и никто не будет стеснять вас. Я пока живу один. Но ко мне часто приходит моя невеста.

– Вы уверены, что ей понравится ваша идея поселить меня в вашем доме?

– Уверен. Я уже поговорил с ней. Моя Лиза адекватная девушка с хорошей самооценкой и полностью мне доверяет.

– Вам повезло.

– Да, несомненно, – ответил Богдан серьезно, – я вас познакомлю и уверен, что вы понравитесь друг другу.

Мирослава невольно улыбнулась.

Трофимов мельком взглянул на нее, и на его губах тоже промелькнула улыбка.

Мирослава Волгина ему понравилась, чуть ли не с первого взгляда он уверовал в ее высокий профессионализм и, судя по всему, человеком она была хорошим... И это несмотря на то что Богдан никогда не был доверчивым простаком.

– А чем занимается ваша невеста? – спросила Мирослава.

– О! Она преподает музыку.

– Как интересно, мама Шуры Наполеонова тоже преподает музыку.

– Да, он мне рассказывал. – И, посмотрев в боковое зеркало, Трофимов добавил: – Вот, видите, как у нас много общего.

– Звучит многообещающе, – пошутила Мирослава.

– Да, я уверен, что люди притягиваются друг к другу каким-то определенным образом.

Мирослава не имела склонности к какой бы то ни было мистике, и в ответ только пожала плечами.

– Шура говорил, что вы давно знакомы.

– Да, с раннего детства.

– Это хорошо.

Мирослава не была уверена, что их давнее знакомство с Шурой может как-то сказаться на предстоящем расследовании, но возражать не стала. Богдан почему-то сбавил скорость...

И Мирослава с удовольствием стала рассматривать пейзаж за окном.

Ярко светило солнце, освещая рыжеющие листики старых берез и радуя взгляд упоительно-голубыми просветами. Потом потянулся кленовый лес, несколько сумрачный в своей глубине...

Три могучих дуба, еще не успевших пожелтеть, безмолвными исполинами застыли на внезапно открывшейся поляне. Яркие бересклеты прекрасно вписывались в эту насыщенную симфонию осенних красок и долгожданной прохлады после утомительно жаркого лета.

– Красиво тут у вас, – тихо обронила Мирослава.

– Да, – согласился Богдан, – я сам люблю эти места, и всякий раз, когда здесь проезжаю, невольно снижаю скорость. Мы минут через десять въедем в город. Хотя, собственно, наш Н-ск, слава богу, все еще остается довольно тихим и уютным.

– Я думала, что бизнесменам нравятся шумные и большие города, – улыбнулась Мирослава.

– Ну, это смотря какой бизнес, – не согласился Богдан. – И еще... – произнес он полминуты спустя.

– Что еще?

– Как бы это помягче выразиться... Дело еще в алчности.

– Вот как?

– Ага. Некоторым все время мало своих богатств, помните, как в сказке о «Золотой антилопе»? Конечно, помню. Моя соседка в старом доме говорила проще: «Чем богаче, тем жаднее».

– Верно. Но не все. Иначе не было бы в мире доброты, благотворительности. Вы согласны с этим?

– В какой-то мере, да. Но относится ли это к нашим новым богачам? Как-то прочитала у Наполеона: «В наше время богатство есть плод кражи или грабежа»... Стало ужасно грустно, точно он говорит про наше время.

Трофимов кивнул.

Много позже Мирослава узнает, что, занимаясь в свое время бизнесом, Богдан на свои средства построил в Н-ске ТЮЗ, маленький, но уютный театр для детей с местными талантливыми актерами, которым нравилось жить на своей малой родине и играть для детей. Короче,

чудеса случаются и в наши дни, особенно если их творят своими руками сами люди, которым не безразлично, в каком мире жить.

Въехав в город, Богдан затормозил и прижался к обочине.

– Что случилось? – спросила Мирослава.

– Да вот, думаю, в какое кафе нам заехать, чтобы перекусить, – он виновато улыбнулся, – у меня дома сейчас шаром покати.

– Можно и в кафе, но, думаю, будет лучше, если мы заедем в какой-нибудь магазин и купим продукты.

Богдан кивнул, тронулся с места, чтобы минут через десять остановиться возле небольшого строения зеленого цвета.

– Зайдем в «Теремок»? Здесь всегда продукты хорошие.

Мирослава выбралась из машины, Богдан распахнул перед ней двери магазина. Она сделала пару шагов и оказалась в уютном небольшом зале. Выбор продуктов был не такой огромный, как в супермаркетах ее родного города, но и не маленький.

Они купили сыр, ветчину, масло, хлеб, зефир, пачку хорошего чая. Богдан хотел еще продуктов прикупить, но Мирослава сказала, что этого, пожалуй, достаточно. Потом подумала и предложила взять еще курицу.

Увидев растерянное лицо Трофимова, она добавила, что собирается просто отварить ее.

– Я и сам отварю, – буркнул он, бросив курицу в корзину, – мне не повариха нужна, а частный детектив.

Мирослава рассмеялась и успокоила его, сообщив, что повариха из нее никакая.

К полудню они прибыли в коттеджный поселок, в котором жил Трофимов.

Здесь не было вызывающе огромных особняков с навороченными башнями, но зато почти все дома утопали в цветущих садах.

– Здорово, – сказала Мирослава.

Она выбралась из автомобиля и с удовольствием осматривала усадьбу Трофимова.

– А почему между соседним и вашим домами нет забора? – спросила она.

– Потому, что это дом моего отца, и нам так удобнее.

Мирослава согласно кивнула. Сорвала с ветки яблоко и надкусила. Кисло-сладкий сок зрелого плода приятно охладил рот, утоляя жажду. Маленькую бутылку минеральной воды она выпила, пока они ехали в автомобиле, а чай еще нужно было заварить.

В доме было чисто и уютно, Богдан показал Волгиной ее комнату, которая вполне удовлетворила Мирославу.

– В доме два компьютера, подключенных к Интернету, один в моем кабинете, один в гостиной, можете пользоваться любым.

– Хорошо. Я думаю, что мне будет удобнее использовать тот, что в гостиной.

– Как вам угодно, – отозвался он.

Расследование было решено начать завтра.

Пока Мирослава умывалась и переодевалась, Трофимов заварил чай и сделал бутерброды. Купленная курица сиротливо лежала на подоконнике.

– Слушайте, – сказала Мирослава, – а у вас есть большая жаровня или гусятница?

– Ну, есть... Наверное.

– Тогда доставайте ее.

Богдан открыл шкаф и снял с полки массивную жаровню.

– Замечательно, – сказала Мирослава.

Она вымыла курицу, уложила ее в сполоснутую жаровню, добавила специи, на дно – немного подсолнечного масла, и уже через несколько минут Богдан поставил ее в духовку.

– Ну, вот и пусть себе тушится... – сказали они хором и рассмеялись.

– А кто вам обычно готовит? – спросила Мирослава.

– Чаще всего сам что-то на скорую руку. Лиза, моя невеста, готовит, когда бывает у меня. Очень вкусно. Но она приедет только послезавтра. Уехала на музыкальный фестиваль в столицу губернии.

– Понятно.

– Вы, наверное, хотите отдохнуть?

– Можно я в саду погуляю?

– Конечно, гуляйте, где хотите. А я на работу, если позволите...

Мирослава кивнула, решив, что так даже будет лучше. Она обдумает ситуацию спокойно наедине с собой.

После отъезда хозяина она обошла дом, ведь ей разрешили гулять везде, где она захочет.

Дом ей понравился. Потом она прогулялась в саду, на скамейке под липами обнаружила огромного толстого кота тигровой масти. Взяла увальня на руки и, возвратившись к крыльцу, усадила его рядом с собой.

– Меня зовут Мирослава, – сказала она. – Твое имя мы выясним позже у хозяина, а пока будем дружить так. Ты согласен?

Кот жмурил глаза от косых лучей заходящего солнца и мурлыкал от удовольствия, подставляя для поглаживания то спину, то лобастую голову, то живот. В общем, они подружились, а Мирослава составила план действий на завтра...

Основных версий у нее было две.

Первая – Олегу отомстила таким изуверским способом одна из брошенных пассий. И вторая – им были вызваны девочки для развлечения, и игра зашла слишком далеко. Клиент скончался, ночные бабочки испугались и упорхнули...

Богдан вернулся поздно, поэтому курицу первым попробовал кот. Волгина же решила подождать хозяина и поужинать вместе с ним.

Глава 2

На следующее утро Мирослава встала пораньше, умылась, оделась и поспешила на кухню, думая, что бы такое неприхотливое соорудить на завтрак. Но, оказывается, об этом уже подумал сам хозяин. На столе стоял салат из овощей, на плите скворчала яичница.

– О! – сказала Мирослава, – как вы, однако, угадали.

– У меня все было наготове, а как только услышал ваши шаги, сковороду поставил на огонь. – Богдан смущенно улыбнулся: – Я, кажется, плохо продумал процесс питания. Сам привык утром перехватывать что-то на скорую руку. А вас предполагал кормить в кафе...

– Все нормально, – отмахнулась Мирослава и заметила развалившегося на угловом диване кота.

– Хотела спросить у вас, как зовут это чудо природы. – Она кивнула в сторону рыжего.

– Ваську-то?

– Значит, кота зовут Василием...

– А как еще могут звать этого разбойника с большой дороги?!

– Почему разбойника?

– Ну, во-первых, он приبلудный. Залез на веранду к отцу как раз в день, когда к нему должны были прийти друзья. И первым делом попробовал все, что было на столе. Папа входит с бутылкой коньяка, предвкушая чудесный вечер, и кого он видит?!

Мирослава фыркнула, представив лицо вошедшего хозяина.

– Правильно, наглого кота, пожирающего деликатесы.

– И что ваш отец? – улыбнулась девушка.

– Ничего, пригрел наглеца. А вскоре Василий, освоив территорию, прибрал к лапам и мой дом.

– Думаю, что вы не сильно этому огорчились.

– Нет, конечно. А Лиза так вообще в нем души не чает.

Мирослава подозвала кота и вручила ему ломтик колбасы, выковыряв его из яичницы, которую поставил перед ней Богдан.

Кот сначала понюхал колбасу и только потом с достоинством стал жевать угощение.

– Не думайте, что он голодный, накормлен раньше нас, – небрежно заметил Трофимов. – Кстати, завтра должна приехать Лиза. Думаю, что вы понравитесь друг другу.

Мирослава согласно кивнула.

– А пока, – сказала она, – я хотела бы поговорить с матерью Олега.

– А надо? – встревожился Богдан. – Не думаю, что она сообщит вам что-то новое.

Мирослава пристально посмотрела в лицо мужчины:

– Без разговора с Еленой Павловной мне не обойтись.

– Да, конечно, вы правы, я веду себя как мальчишка. Просто крестной уже и так досталось, и мне хочется оградить ее от какой-либо боли.

Мирослава молчала, вполне понимая чувства Трофимова, но тем не менее не собиралась отступить от намеченных действий.

– Я договарюсь с Еленой Павловной и отвезу вас на встречу с ней, – вздохнул он.

– Замечательно. Только не затягивайте. И для вас, и для меня будет лучше, если мы не будем откладывать дела в долгий ящик.

Трофимов кивнул и, немного подумав, добавил:

– А пока, если вы не возражаете, наш шофер отвезет вас в квартиру, где жил Олег. С квартирной хозяйкой я уже договорился. Она знает, что вы частный детектив.

– Ну, что ж...

Трофимов вызвал машину, и она прибыла буквально через полчаса.

Шофер был довольно молодым улыбчивым парнем, звали его Семеном, и он абсолютно ничего не имел против того, чтобы возить по городу любого человека, необходимого Трофимову.

Мирослава ни о чем не спрашивала шофера, который был с ней предупредителен и весьма вежлив.

По мере того как они продвигались по улицам, он рассказывал ей о достопримечательностях своего родного города. Речь Семена была исполнена энтузиазма. По-видимому, парень искренне любил свой город.

Волгина слушала вполуха, больше думая о предстоящем разговоре с квартирной хозяйкой покойного Олега. Она не сомневалась, что женщина постарается быть откровенной, скорее всего ей неплохо заплатили за разговор с частным детективом...

Волгина не ошиблась.

Хозяйка открыла дверь, едва она поднялась по лестнице и дотронулась до кнопки звонка.

– Здравствуйте, я...

– Ой, я все знаю, – не дала ей договорить высокая седовласая женщина, открывшая дверь. – Меня зовут Мария Петровна Лемешева.

– Очень приятно, Мирослава Волгина, – произнесла Волгина положенную в таких случаях фразу.

– Проходите, пожалуйста, на кухню, я уже и чай поставила.

– Спасибо. – Мирослава прошла за хозяйкой и села за стол, застеленный клеенкой с выбитыми на ней замысловатыми букетами сирени и фиалок.

На столе уже стояли не так давно испеченные ватрушки с творогом и две вазочки: с конфетами-карамелью и вишневым вареньем.

– Угощайтесь. – Мария Петровна поставила перед Волгиной чашку с хорошо заваренным чаем и пододвинула поближе к госте ватрушки.

– Спасибо, – Мирослава надкусила ватрушку, – очень вкусно.

– А то! – обрадовалась Мария Петровна. – Это еще рецепт моей прабабушки.

Волгина съела ватрушку, выпила полчашки чая и, поблагодарив хозяйку, приступила к разговору:

– Мария Петровна, я хотела узнать у вас, как именно вы обнаружили тело Олега Коршунова.

Лемешева тяжело вздохнула:

– Тут такое дело, квартиру эту я сдавала полгода, сама жила у дочери.

– А как именно вы сдали Олегу квартиру? Вы давали объявление в газету или через знакомых?

– Да, Нюра Фролова мне его сосватала! Соседка моя с первого этажа. Она уборщицей в фирме матери Олега работает. Начальницу свою очень хвалила, мол, и справедливая, и щедрая, и к работникам хорошо относится. Например, Нюра простая уборщица, а хозяйка ее по имени-отчеству величает Анной Григорьевной, ко всяким праздникам там подарки, а в позапрошлом году у Нюры ноги разболелись. Так хозяйка ее за счет фирмы в санаторий на месяц отправила. Ну, видано ли это в наше-то время?! Так что, когда Нюра узнала, что сыну хозяйки квартира понадобилась, она и подсуежилась.

– А с Олегом Анна Григорьевна была знакома?

– Ну, какое там, знакома, – отмахнулась Лемешева, – так, видела его несколько раз, когда он к матери приходил. С виду он ей показался приличным парнем.

– Таким он и вам показался?

– Я ничего плохого об Олеге сказать не могу. Платил вовремя и щедро. Квартире моей урону никакого не наносил. Соседи иногда жаловались, что шумно у него до часу ночи бывает и до двух. Но не так, чтобы часто. Да и дело-то молодое...

– Вы не знаете, как часто к нему приходили гости?

– Нет, не знаю. – Лемешева замолчала и через секунду нерешительно добавила: – Если очень нужно, то можно поспрашивать моих соседей по лестничной площадке...

– Хорошо, я, пожалуй, так и поступлю, – согласилась Мирослава.

– А теперь расскажите мне все подробно о том дне, когда вы его обнаружили.

– Да. Так вот. – Было заметно, что женщина сильно волнуется.

Мирослава, понимая это, не торопила хозяйку.

– Я ведь и не собиралась в тот день-то приезжать. Да мне Геннадий Тимофеевич, его квартира находится под моей, позвонил с утра пораньше. Кричит, что из моей квартиры, значит, к нему вода капает.

– Я ему говорю, подниметесь к Олегу и разберитесь. А он кричит, что звонил в дверь, но никто дверь не открывает. Так что пришлось мне приехать. Сначала попыталась до Олега по телефону дозвониться, но, увы. Короче, я приехала и стала звонить в квартиру. У нас уговор был, что я без предупреждения дверь не буду открывать. А потом пришлось, Геннадий Тимофеевич за моей спиной топчется и уже дурным голосом ругается. Открыла я квартиру. Сосед сразу в ванну побежал, а у меня там кран длинный, его можно перевести из ванной на раковину в умывальнике, так его не довели до раковины, и плохо закрыли, он по капле мимо капает, вот к соседу и протекло. Кран мы закрыли, и сосед ушел, а я сначала воду тряпкой собрала, потом уж зашла в комнату, до нее по коридору нужно идти, а видели вы, какой он у меня длинный.

– Вас не встревожило то, что Коршунов не открыл вам дверь и потом не вышел навстречу?

– Нет, – покачала головой Лемешева, – он мог уйти на работу, а мог и вообще не ночевать ночью дома. Девушки, друзья, мама, понимаете?

Мирослава кивнула.

– Ну вот, зашла я, значит, в комнату, а он там, сердешный, лежит. – Мария Петровна прижала руку к груди и всхлипнула. – Перепугалась я сильно, закричала, а потом уже звонить бросилась в «Скорую» и в милицию.

– В полицию, – поправила Мирослава машинально.

– Ну да, в нее самую.

– Опишите, пожалуйста, что вы увидели, это очень важно.

– Лежит он голый, ну, то есть Олег. И связанный весь, руки, ноги и... – Лемешева замялась, – там, ну, внизу у него тоже веревочкой все затянуто было... Как же это можно было до такого изуверства дойти? Над молодым парнем так издеваться. Доктор потом сказал, что у Олега сердце не выдержало. И как земля таких носит?! – произнесла она осуждающе.

Мирослава вздохнула и тихо спросила:

– Больше вам ничего в глаза не бросилось?

– Вроде, нет. Но я ведь тогда не в себе была. Олегу-то «Скорая» не понадобилась, а мне два укола сделали, так мне плохо было.

– Я понимаю, – проговорила Волгина.

Они немного помолчали.

– Мария Петровна! А вы не заметили чего-нибудь, каких-либо вещей, которые не принадлежали ни вам, ни Олегу?

– Так я его вещей-то всех и не знаю.

– Ну, наверное, кто-то из родственников забрал потом вещи Коршунова?

Лемешева кивнула.

– Елена Павловна мне позвонила, потом пришли Трофимовы отец с сыном и все забрали.

– И из оставшихся вещей ничего не было чужого, вам не принадлежащего?

– Нет, ничего не было. В тот день на столе стояли стаканы. Но они мои. Бутылка была уже выпитая... Еще закуска на моих же тарелках.

– Понятно, вы проводите меня к вашим соседям?

– Провожу.

Но из разговоров с соседями Мирослава ничего нового не узнала. Они жаловались на то, что квартирант Лемешевой довольно часто приводил друзей, женщин, и было у него шумно до глубокой ночи. В ответ на замечания и просьбы он дерзил и насмехался.

Описать же толком соседи никого не смогли, не приглядывались, мол. Соседка из квартиры напротив вспомнила, что, когда выбрасывала мусор еще весной, вместе с Олегом по лестнице поднимался парень, которого Олег называл Пашей.

Поблагодарив Марию Петровну и ее соседей, Мирослава спустилась вниз и села в машину.

– Теперь-то куда? – спросил Семен.

– Пока к Богдану в коттедж.

Высадив Мирославу у ворот, машина умчалась.

Мирослава вошла во двор, поднялась на крыльцо и с изумлением обнаружила, что дверь открыта. Но она точно ее закрывала! Неужели Трофимов пришел домой с работы среди бела дня... Маловероятно.

И тут зазвонил ее сотовый.

– Как у вас дела? – раздался голос Трофимова.

– Пока никак. Вы на работе?

– Естественно.

– Но...

Тут дверь распахнулась, и на пороге показалась симпатичная рыжеволосая девушка. Ее нос и щеки были усыпаны веснушками, что придавало ее лицу весьма задорный вид.

– О! Это вы?!

– Я... – Мирослава удивленно кивнула.

– Я имею в виду вы – частный детектив?

– Алло-алло, – тем временем вибрировал голос в сотовом, – куда вы пропали?!

– Я не пропала.

– Что случилось?!

– Кажется, это Богдан надрывается?! Скажите ему, что я приехала! Я Лиза.

– Очень приятно, Мирослава.

– Что?! – изумилась трубка.

– Ничего. Я знакомлюсь с вашей невестой.

– Лиза приехала?! А мне не позвонила! Ну, Пеппи – Длинный Чулок, ну, погоди!

– Это вы кому? – удивленно спросила Мирослава.

– Лизе, естественно, ладно, вы пока знакомьтесь, а я потом перезвоню.

Услышав гудки, Мирослава убрала сотовый и поинтересовалась:

– Скажите, а как вас называет жених в минуты, э... нежности?

Лиза весело сощурила зеленоватые глаза и засмеялась:

– Он что, уже проболтался?

– Ну...

– Признаюсь, – Лиза прижала руку к груди и поклонилась, – я у Бони ни рыбка, ни птичка, ни кисонька, а Пеппи – Длинный Чулок.

– А Боня, это Богдан?

– Угу.

– Ну, хорошо, разобрались, – перевела дух Мирослава.

– А как вас зовут родственники и любимый человек? – поинтересовалась Лиза.

«Да, непосредственная девушка», – подумала Мирослава про себя, а вслух сказала:

– Никаких экзотических имен не имею. Так и зовут Мирослава или Слава.

– Ага, здорово, но я так понимаю, что вы предпочитаете, чтобы вас называли Мирослава.
– Правильно понимаете, – улыбнулась девушка.
– Но признайтесь, – хитро сморщила носик Лиза, – вас, наверно, в детстве, дразнили Волгой?

– Нет, – ответила Мирослава.
– Почему? – разочарованно протянула девушка.
– Потому что я дралась, применяя милицейские приемы, которым научилась у сослуживцев деда.

– А ваш дед служил в милиции?
– Да, начальником убойного, в отставку полковником ушел.
– С вами все понятно...
– Надеюсь, – усмехнулась Волгина.
– Вы, наверное, проголодались, а я тут болтаю невесть что и держу вас на пороге.
– Да нет, я не голодна, меня уже накормили ватрушками.
– О! Надеюсь, не фрекен Бок?
– Нет, всего лишь свидетельница по делу.
– Вы едите спагетти с овощами и сыром?
– Я ем почти все.
– Отлично, я тоже. Вообще в отношении еды мне с семьей повезло, – и, поймав удивленный взгляд Мирославы, весело пояснила: – Богдан и его папа тоже всеядны. У нас в семье один гурман, – она кивнула в сторону скамейки, – это Василий.

Елизавета рассмеялась, и ее естественный задорный смех пришелся Мирославе по душе. Пообедав, девушки расположились в гостиной, естественно, в компании Василия.

За обедом Елизавета успела рассказать Мирославе с красочными подробностями о музыкальном фестивале, на который она ездила, и теперь продемонстрировала привезенные фотографии.

– А вы знали Олега? – осторожно спросила Волгина.
– Знала, – кивнула Елизавета, – но не очень близко. Мы не общались...
– Почему? Олег здесь не бывал?
– Здесь нет. Мы познакомились на Дне ангела Елены Павловны. Мне пришлось пойти, как уже вполне официальной невесте Богдана. Да и самой мне хотелось познакомиться с родственниками и близкими Богдана. Хотя не знаю, крестную можно назвать родственницей?

Мирослава пожала плечами, она сама была не сильна в этом вопросе, впрочем, как и во всем, что хоть как-то было связано с религиозными или родственными ритуалами.

– На самом деле Богдан относится к Елене Павловне почти что как родной сын. Он ведь, наверно, вам уже рассказал о непростых отношениях в их семье? – вздохнула Лиза.

– Да.
– Ну, вот, а между Олегом и Богданом братских отношений не было. Разве что в раннем детстве.

– Почему, как вы думаете?
– Мой Богдан – пахарь, трудяга, он всю жизнь всего добивался сам. Папа его поддерживал морально и всегда поощрял инициативу. А Олег вырос на всем готовом. Вы, конечно, извините, но мне показалось, что Елена Павловна при Олеге играла роль золотой рыбки...

– То есть?
– Все, что Олег хотел, он получал на блюдечке с голубой каемочкой. Ему не надо было напрягаться. И деньги у него всегда были.

– Тоже мамыны?
– По большей части, думаю, да. Хотя он и устроился на работу...

Елизавета быстро поднялась, приставила стул к шкафу и что-то достала сверху.

– Фу, – произнесла она, – опять пыль налетела.

Мирослава увидела у нее в руках старый фотоальбом, обтянутый фиолетовым плюшем.

Лиза шлепнула по альбому рукой и от души чихнула, разгоняя рукой небольшое облачко пыли.

– Вот, посмотрите, это старые снимки. На них Богдан и Олег запечатлены еще детьми, а Елена Павловна и Юрий Евгеньевич такие молодые. Даже не верится...

Мирослава с интересом принялась рассматривать фотографии.

Елена Павловна оказалась красивой женщиной с правильными чертами лица, большими глазами и чувственными губами.

«Жаль, что фотографии не цветные», – подумала она, гадая, какого цвета глаза красавицы, запечатленной на старом фото.

Елизавета точно угадала ее мысли:

– Глаза у Елены Павловны пронзительно-голубые. Волосы были русые, когда я увидела ее в первый раз. А сейчас она практически совсем седая...

Мирослава посмотрела на фото Юрия Евгеньевича.

Статный, можно сказать, представительный, он внушал доверие, его можно было смело отнести к тому типу мужчины, на плечо которого смело могла бы опереться любимая женщина. Они смотрелись рядом гармоничной парой, и было непонятно, почему Елена Павловна видела в Трофимове-старшем только друга.

Особенно понравился Мирославе снимок, где еще юные Лена и Юра сидели на качелях. Оба счастливо улыбаются. Волосы девушки и ее юбка разлетаются от движения, и, может быть, от ветра.

– Это в нашем городском парке, – подсказала Лиза, – и не поверите, на этих качелях все еще качаются. – Девушка погрустнела.

– Что с вами, Лиза? – спросила озадаченная Мирослава.

– Я просто о времени подумала...

– Вы куда-то должны идти?

– Да, нет, я в глобальном смысле, – и тут губы Лизы тронула улыбка, – я, кажется, такая дурочка.

– Непохоже, – заверила Мирослава, не сумев скрыть улыбки.

– Знаете, отчего мне взгрустнулось?

– Ну...

– Не угадаете! Я вдруг представила, что пролетели годы, и я, как Елена Павловна, стала вся седая и смотрю на свои фотки, где я юная и счастливая.

– Рано или поздно это случается со всеми, кому повезет, – заметила Мирослава.

– Что значит повезет? – неподдельно удивилась Лиза.

– Повезет дожить до седины и старости. А счастливой можно быть и в старости.

– Наверное...

– Кажется, мы с вами ударились в философию. Еще немного и будем рассуждать о смысле жизни.

Лиза рассмеялась:

– Вы правы, умею я отвлечь от дела глупостями.

– Заметьте, я ничего такого не говорила. – Мирослава перевернула еще несколько страниц, вглядываясь в лица девушки и юноши, молодого мужчины и молодой женщины... Потом пошли детские фотографии сначала Богдана, потом и Олега.

Мирослава бегло просмотрела следующие страницы, пока взгляд ее не наткнулся на повзрослевших мальчиков.

Богдан был сильно похож на отца. Фотографий его матери в альбоме почти не было.

Мирослава отыскала всего две. На них была изображена грустная женщина с маловыразительным лицом, казалось, что сын не унаследовал от матери ни единой черточки...

Олег тоже был не похож на свою мать. В отличие от Елены Павловны волосы у него были темные...

– Олег был брюнетом? – спросила Мирослава.

– Я бы так не сказала, – откликнулась Лиза, – у него были волосы цвета полировки, ну, как мебель в советские времена...

– Ближе к коричневому?

– Да. Глаза карие. Я сейчас достану новые альбомы, но Олега там почти нет. Его фотографии есть у Елены Павловны...

– Хорошо. А об отце Олега совсем ничего не известно?

– Нет, – Елизавета покачала головой, – Богдан как-то обмолвился, что Елена Павловна ездила куда-то отдыхать, кажется, в Румынию или на Карпаты... Я не помню точно. И спустя девять месяцев после поездки у нее родился Олег...

– Вы не знаете, почему Елена Павловна не вышла замуж?

– По-моему, она принципиально избегала замужества. Вроде бы у нее было достаточно ухажеров, но она всем отказывала. Только с Юрием Евгеньевичем почти все эти годы поддерживала отношения, но дальше дружбы, насколько мне известно, они не заходили.

Мирослава отложила последний из просмотренных альбомов и погладила Василия, который умудрился протиснуться между двумя девушками и, прикрыв глаза, сладко мурлыкал.

– Славный кот, – сказала Лиза и тоже погладила кота, – когда бывает прохладно, я его вместо грелки использую, он не возражает. Джентльмен! – проговорила она с воодушевлением.

– Ну да, – раздалось у них за спиной, – он такой же джентльмен, как я английский денди. Наглый, чисто русский дворняга.

Кот поднял голову и одарил говорящего взглядом, полным презрения.

– Ой, – воскликнула Лиза, – ты чего так рано? И не позвонил! Это нечестно! И прокрался, как вор.

– Ну, допустим, я просто тихо вошел в свой собственный дом. Мне было интересно, чем вы тут без меня занимаетесь.

– Я показывала Мирославе фотографии.

– Вижу.

– Я сейчас тебя накормлю, – подхватила Елизавета, – да и мы с Мирославой закусим.

– Нет, Лиза, извини. Закусывать ты будешь одна, вернее, вместе с Василием, – усмехнулся Богдан, – а мы с Мирославой сейчас поедем посидим в кафе.

– И как это понимать?! – Лиза округлила глаза.

– Понимать это так, что в кафе нас будет ждать следователь, который вел дело, поэтому посторонних быть не должно.

– В таком случае ты тоже будешь там посторонним, – парировала Лиза.

– Скорее всего, хотя я родственник...

– Родственник он!

– Лиза, не злись.

– Ладно. Езжайте, мы с Василием прекрасно и без вас поедем.

– Насчет Василия я не сомневаюсь, – фыркнул Богдан, чмокнул Лизу в щеку и обратился к Мирославе, – нам надо бы поторопиться...

– Я через семь минут буду готова.

Ровно через семь минут она действительно вышла во двор и села в машину Трофимова.

– Следователь легко согласился со мной побеседовать? – спросила детектив.

– Ну, что вы! В общем, мне пришлось нажать на некоторые рычаги...

– Понятно...

– Следователя зовут Рябинкин Сергей Викторович. Добросовестный, надо сказать, служака. Ни в каких темных делах замешан не был. Слегка зануден... Но, думаю, вы справитесь.

Сергей Викторович Рябинкин, мягко говоря, совсем не был настроен на разговоры с каким-то там заезжим частным детективом. Однако ему намекнули, что поговорить надо... И он скрепя сердце все-таки согласился, искренне надеясь свести общение с детективом к минимуму.

По пути он заехал в магазин игрушек «Одуванчик» и выбрал огромного косолапого медведя для своего четырехлетнего сына Ильи. Ему именно сегодня исполнялось четыре года, и они надеялись отметить это событие в тесном семейном кругу. Когда Рябинкин укладывал медведя в багажник, тот так громко зарычал, что Сергей Викторович едва не выронил косолапого из рук.

– Надо же, – обрадовался он минуту спустя, – рычит, как настоящий.

Медведь и приглянулся ему именно тем, что был похож на настоящего. К сожалению, таких игрушек в магазинах не так уж много. Все эти розовые, голубые и серо-буро-малиновые зверюшки, которые мало чем походили на натуральных животных, раздражали Сергея Викторовича. Он недоумевал, где их отцы-производители могли встретить таких уродцев. Сам он был уверен, что сконструировать такую нелепицу можно только на сильно нетрезвую голову.

«О, времена, о нравы...» – пробормотал он себе под нос, усаживаясь за руль автомобиля, и невольно улыбнулся, вспомнив незатейливые, но такие милые сердцу игрушки собственного детства.

К кафе он подъехал на десять минут раньше назначенного срока, но из своей «Лады» выбрался только тогда, когда из подъехавшего «Опеля» вышли Богдан Трофимов и высокая русоволосая девушка.

– Сергей Викторович, здравствуйте, – Богдан приблизился к следователю пружинистым шагом и пожал ему руку, – знакомьтесь, Мирослава Игоревна Волгина, детектив, о котором я вам говорил.

– А это Сергей Викторович, следователь по нашему делу.

– Хорошо, – следователь бросил на Мирославу придирчивый взгляд, – где говорить будем?

– В кафе, конечно, я заказал столики на втором этаже, там почти никого нет. Следовательно, нам никто не помешает, – быстро ответил Трофимов.

Они втроем поднялись на второй этаж в небольшой уютный зал, где преобладали бежевые и терракотовые краски и где, кроме них, не было ни одной живой души.

Едва они устроились за столиком, как тотчас перед ними возник официант, точно материализовался из воздуха.

Трофимов поинтересовался, что кому заказать, велел официанту принести блюда и напитки и попросил пока больше их не тревожить.

– Как вы уже знаете, я хотела бы поговорить с вами, Сергей Викторович, о деле Олега Коршунова, – сказала Мирослава.

Следователь пожал плечами:

– Дело приостановлено. В нем нет никаких зацепок, которые могли бы привести вас к преступнику.

«Вас», – подумала Волгина про себя, взвешивая оговорку следователя на внутренних весах, а вслух произнесла миролюбиво:

– Хорошо, пусть будет так. Просто ответьте мне, что вы сами думаете об этом деле?

– Честно?

– Конечно.

– Я прорабатывал версию, что это была обычная пьяная вечеринка в стиле садо-мазо. И участники не рассчитали...

– Интересная версия...

– Только тупиковая. Город, как вы заметили, у нас небольшой, и имеется всего один приличный массажный салон «Милый друг».

Мирослава невольно усмехнулась.

– Да, да, город у нас романтичный... Так вот владелица «Милого друга» – бывшая фото-модель регионального уровня Людмила Константиновна Ветрова. Мы переговорили и с хозяйкой, и с девочками, но результат нулевой.

– А что говорят друзья Коршунова? Ведь у него двое близких друзей?

– Ничего не говорят... Вернее, утверждают, что не видели Коршунова несколько дней.

– А что они делали именно в этот день?

– На этот день у них алиби. Один играл с друзьями в карты, другой был с девушкой.

– Вам не кажется, Сергей Викторович, что алиби с девушкой не очень убедительно?

– Да нет, там все чисто, соседи видели, как они пришли рано утром из магазина. Еще там были двое старичков – больших любителей поспорить о политике на свежем воздухе. Они сидели на скамейке до одиннадцати часов вечера. Парочка из дома не выходила.

– Неутешительно...

– И я о том же.

– С девушкой Олега вы, конечно, тоже переговорили?

– С девушками. Он часто их менял.

Мирослава расслышала в голосе следователя неприязнь.

«Понятно, – подумала она, – Коршунов следователю Рябинкину, мягко говоря, не понравился... Хотя следователь и не имеет права быть пристрастным, но нельзя упускать из виду, что он тоже всего-навсего человек. Вероятно, сам Сергей Викторович не только хороший работник, но и примерный семьянин...»

– Значит, девушек потерпевший часто менял?

– Как перчатки, – обронил следователь.

– Может быть, кто-то из них затаил на него злобу?

– Последняя и предпоследняя девушки – настоящие истерички, но на мстительниц они не похожи, к тому же обе уже утешились и встречаются с другими парнями.

– Вы мне дадите адреса этих девушек?

– Да, за ради бога! – Сергей Викторович вырвал из записной книжки листок и записал оба адреса.

– А отпечатки пальцев в квартире? – спросила Мирослава, с благодарностью приняв адреса.

– Там их тьма! Видно, что Коршунов был человеком гостеприимным...

– А на бутылке и тарелках с закусками?

Рябинкин бросил на детектива красноречивый взгляд, побарабанил пальцами по столу и процедил сквозь зубы:

– На этих предметах отпечатков не обнаружено.

– Стерты?

Следователь пожал плечами.

– А те отпечатки, что обнаружены, вы, конечно, сверили со своей картотекой?

– Как вы догадливы, – съязвил следователь.

– Ну, что ж, спасибо, что согласились встретиться, – поблагодарила Мирослава, не обращая внимания на его иронию.

– Не за что...

Трофимов, все это время не вмешивавшийся в разговор, так же поблагодарил следователя и отвез Мирославу обратно в свой коттедж.

Когда они приехали, Елизавета занималась прополкой и поливкой цветов. Мирослава присоединилась к ней, решив продолжить расследование завтра.

Василий развалился на скамейке, которая стояла недалеко от цветника рядом с ручейком, обложенным цветными камнями и впадающим в небольшой водоем с белыми и розовыми лилиями, тростником по краю и прибрежными ирисами.

Вероятно, по каким-то своим кошачьим соображениям, Василий считал своим долгом приглядывать за обеими девушками.

Одна из них была его будущей законной хозяйкой, а другая умела так искусно поглаживать лоб, живот и под шеей, что Василий просто млел... Короче, он совсем не возражал против того, чтобы она осталась навсегда и гладила Васю на протяжении всей его кошачьей жизни.

Что бы на все на это ответил Дон, если бы знал...

Утром Мирослава заехала в местный отдел внутренних дел. Оперативника Максима Карелина предупредили, что с ним хочет поговорить частный детектив.

Сначала Максим несказанно удивился, но потом решил с начальством не спорить, потому как себе дороже, и пообщаться с детективом, тем более что ему сказали, что это молодая женщина.

Заинтригованный Карелин ждал свою гостью в своем небольшом кабинете, подоконник которого он умудрился уставить горшками с сенполиями.

Кто знает, может быть, именно благодаря цветущим фиалкам Мирослава прониклась симпатией к молодому оперативнику...

Сразу после обмена любезностями она спросила:

– Вы разводите цветы?

– Вообще-то моя мама, – ответил Максим, смутившись, – но я ей помогаю и вот часть принес сюда.

– Красиво, – одобрила Мирослава. – Моя бабушка тоже когда-то разводила.

– А теперь?

– Увы, ее больше нет.

– Простите.

– Ничего страшного, она была уже старенькой, когда ее не стало. Но я хотела расспросить вас о деле Коршунова. Мне очень нужна ваша помощь.

После этих слов сердце Максима чуть ли совсем не растаяло.

– Конечно, я помогу всем, чем смогу.

Мирослава не стала говорить ему, что это она поможет местной полиции, если раскроет дело, просто мягко улыбнулась:

– Тогда поговорим?

Он только кивнул в ответ и, налив себе воды из графина, выпил залпом весь стакан.

На Мирославу Максим произвел благоприятное впечатление не только своей мускулистой фигурой, ростом выше среднего и глубоким взглядом карих глаз, но и своей непосредственной реакцией, если так можно выразиться. Она решила, что оперативного опыта у Карелина пока немного, но это дело наживное, главное, иметь острый, на лету схватывающий ум и развивать свою интуицию.

– Только, – заговорил Максим, – дело это приостановлено...

– Я знаю.

– Тогда спрашивайте, что бы вы хотели узнать.

– Я хотела бы узнать более подробно о вашем первом впечатлении на месте совершения преступления. И вы, конечно, допрашивали друзей, знакомых Коршунова, общались с представителями древнейшей, которых когда-либо приглашал к себе Олег?

Максим добросовестно стал излагать Мирославе свои впечатления и скромные факты, которые никак не помогали в раскрытии дела.

– А вам ничего не показалось странным?

– В общем-то, нет... Я много думал об этом деле, и хоть бы одна зацепка появилась!

– А какая у вас изначальная была версия?

– Сначала я подумал, что Коршунов с друзьями устроили вакханалию, а там по пьянке у них что-то не так пошло, он скончался, а компания впопыхах разбежалась.

Мирослава кивнула.

– Но у друзей его алиби, девушки, которых они нередко вызывали иногда из «Милого друга», не практикуют жесткий секс.

– Вот как?

Максим невольно покраснел:

– Да, там все весьма пристойно, если можно так сказать о подобном заведении.

– Я думала, что в подобных местах идут навстречу пожеланиям клиентов, – осторожно бросила Мирослава пробный камешек.

– Может быть, где-то это и так, но не у нас...

– Ага. Понятно. А какое впечатление на вас произвела последняя девушка Коршунова?

– Аховое! – вырвалось у Максима невольно.

– То есть?

– Крашеная блондинка, трудно сказать, какое у нее настоящее лицо, вся разрисованная, и верещит, как кошка, которой в трамвае прищемили дверью хвост.

– Почему в трамвае? – улыбнулась Мирослава.

– Потому что, кажется, что она свесилась с трамвая вниз головой, зацепившись хвостом, и ничего не соображает. Короче, безголовая девица.

– Интересный психотип вы мне нарисовали. А не могла она, находясь в таком подвешенном состоянии, столь жестоко отомстить бросившему ее любовнику?

– Не думаю.

– Почему?

– Потому что, судя по всему, Коршунов у нее не первый и далеко не последний. Я видел ее с новым, так сказать, кавалером. Судя по всему, его тоже ненадолго хватит. К тому же у нее на этот день алиби есть. Они с новым парнем были на юбилей его босса, и их видело огромное количество людей.

– А его предпоследняя девушка?

– Она собирается замуж в конце этого месяца.

– Но это может ничего не значить...

– Может, – заверил ее Максим. – Впрочем, если хотите, сами с ними можете поговорить.

Вернувшись домой, Мирослава села за компьютер, естественно, предварительно погладив Василия, и решила систематизировать все, что ей удалось узнать.

Итак, Олег Александрович Коршунов, двадцати пяти лет, обнаружен квартирной хозяйкой связанным в постели в девять часов утра. А по заключению судмедэксперта, смерть наступила в час ночи. Врачи констатировали, что скончался он от остановки сердца. И скорее всего во время изнасилования. У Олега имелась мать, которая, судя по всему, души в нем не чаяла. Отец неизвестен, хотя отчество имеется...

У Коршунова было два достаточно близких друга, которых он знал с детства. Но они не виделись несколько дней. Постоянной девушки на момент совершения убийства не было. Версия о мести пока не подтверждается.

Вакханалия по заявке клиента маловероятна. Какому же парню в здравом уме придет в голову просить, чтобы ему туго стянули не только руки и ноги, но и мужское достоинство? Следовательно, несчастный случай можно исключить, хотя с хозяйкой «Милого друга» и его работницами поговорить стоит.

А что, если это было запланированное убийство? Но во-первых, должен был быть мотив, а во-вторых, зачем такие сложности? От Коршунова можно было избавиться более тривиальным способом...

А если кто-то выбрал именно этот способ, значит, должны быть на то причины. Но какие причины могут быть, кроме мести и ревности? Может быть, стоит поглубже копнуть прошлое Коршунова? Из этого всего следует, что нужно поехать к матери Олега Коршунова.

«Елена Павловна сейчас на работе, – подумала Мирослава, – вот и славно».

Волгина позвонила Семену, и он уже через двадцать минут прибыл к коттеджу Трофимова.

- Куда едем на этот раз? – спросил водитель.
- К дому, где проживает мать Олега Коршунова.
- Тю! – Семен озадаченно посмотрел на Мирославу. – Так Елена Павловна на работе!
- Мы едем пока не к Елене Павловне, а к дому, где она проживает.
- Это не одно и то же?
- Нет. – Мирослава покачала головой.
- Понял.

Как и надеялась Мирослава, возле дома Коршуновой старичок и старушка выгуливали собак, молодая мама сидела на краю песочницы и смотрела за девочкой, съезжающей раз за разом с горки. На лавочке сидели две весьма пожилые женщины и о чем-то оживленно беседовали.

Мирослава вышла из машины, подошла к подъезду и набрала код квартиры Коршуновых. Естественно, ей никто не ответил.

- Вы к кому? – не выдержала одна из беседующих женщин.
- К Коршуновым. – Мирослава сразу обернулась и посмотрела на спрашивающую приветливым взглядом.
- Так Елены Павловны дома нет. Она часам к шести придет, не раньше.
- Как жаль... Я по делу об убийстве ее сына.
- Ой! Так дело не закрыли?! – оживилась вторая собеседница. – А что вы хотели от Леночки?

– Я хотела поподробнее узнать об Олеге. Каким он был в юности, в детстве, – Мирослава сделала вид, что замялась, – хотя, может быть, вы мне поможете?

– Конечно, мы поможем милиции, – заявила подошедшая старушка с пуделем, – это наш гражданский долг.

Мирослава не стала поправлять старушку, относительно того, что теперь милиции нет... И не стала сообщать, что сама она вовсе не из полиции. Вместо этого она присела на лавочку, чем расположила к себе всех собравшихся.

– А что именно, доченька, ты хотела бы узнать? – спросила самая старшая из присутствующих.

– Какая она тебе, Марковна, доченька! – осуждающе оборвала ее та, что помоложе и, обратившись к Мирославе, добавила: – Вы, товарищ следователь, спрашивайте.

– Вы, наверное, знали Олега с детства?

Женщины дружно закивали.

– Каким он вам запомнился?

– В детстве он был сорванцом. Вот, Марковна на первом этаже живет, так вечно мячом ей в окно попадал.

– Он не один был. У них тут целая компания была. Особенно он с Пашкой и Виталькой хороводился. Да, они и теперь дружат.

– В детстве все они похулиганить любили. Моему Мурзику однажды банку из-под шпрот к хвосту привязали. Я матерям жаловаться не стала, а всех прутом настегала. Так они мне один раз к двери крысу дохлую привязали. Вот супостаты!

– А как учился Олег?

– Учился неважно... В институт его Леночка пристроила, так он все равно бросил его.

– А конфликты с кем-нибудь у него были во дворе?

– Нет, ничего особенного, только то, что мы рассказали.

– А в какой школе Олег учился?

– Да вон она за углом так и стоит.

– Школа работает?

– Конечно, куда же детишкам ходить?!

– А когда Олег повзрослел, он изменился?

– Изменился. Вежливый стал.

– Да, ничего плохого за ним опосля не замечали, – кивнула Марковна.

– Только работать парень не любил, – встрял в разговор подошедший владелец мопса.

– Не он один, – отмахнулась одна из старушек, – тем более и нужды у него особой не было.

– Вот именно, – не унимался старичок, – сидел на шее у матери, на ее денежки шикавал.

– Но потом он все-таки работать устроился.

– Работа – не бей лежачего! Трофимовы его на теплое место и пристроили.

– Ты этого, Степаныч, не знаешь, – заметила Марковна.

– И так понятно. Квартиру ему мать оплачивала, машину Олегу опять же Лена купила, да и денег постоянно подкидывала.

– А вы откуда это знаете? – спросила Мирослава заинтересованно.

– Как, то есть откуда?! Я живу на одной площадке с Пашкой, дружком его. А Пашка к моей Ирке, это внучка моя, клеился. Ирка же ему и говорит, вот если бы ты такой же деловой был, как Олег. Пашка обиделся и выложил, что Олегу все мать покупает, и он на полном ее содержании.

Мопс и пудель мирно сидели рядом, и, казалось, внимательно прислушивались к разговорам людей.

Мирослава невольно улыбнулась, взглянув на их симпатичные мордашки.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – тепло поблагодарила Волгина словоохотливых пенсионеров и отправилась в школу, где учился Олег.

Плюсом было то, что Мирослава застала учителей, преподававших в классе, где учился Коршунов, в полном составе.

Отнеслись они к детективу доброжелательно. Практически все, по крайней мере на словах, сочувствовали Елене Павловне и жалели Олега.

Минусом было то, что ничего нового Волгина не узнала. Да, мальчик не был отличником, озорничал, но был, собственно, не хуже и не лучше многих других учеников этой школы.

Мирослава не заметила фальши, но подозревала, что на оценку учителей мог повлиять небезызвестный тезис: «О мертвых либо хорошо, либо никак»...

И еще ее настораживало застывшее лицо директора и какой-то немигающий взгляд этой уже немолодой женщины. Может быть, в школе все-таки была какая-то некрасивая история, которую замяли...

Вечером Мирослава позвонила Морису и по неровному дыханию в трубке догадалась, что он ждал ее звонка.

– Как ваши дела? – спросил Миндаугас, хотя хотел задать другой вопрос: «Когда вы вернетесь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.